

Жизнь после себя

Дарья К.

Дарья Hoshi Akiko

Жизнь после себя

«Автор»

2026

Hoshi Akiko Д. Ю.

Жизнь после себя / Д. Ю. Hoshi Akiko — «Автор», 2026

Что будет если случиться неожиданность? Мир закружился вокруг. Вселенные слились в единое целое. Прошлое и будущее больше не осталось. Анна попала в царскую Россию за несколько лет до начала войны. Теперь она внучка царя, которая должна играть свою роль. Первая мировая война на пороге. Она должна найти путь домой.

© Hoshi Akiko Д. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Он предлагает, чтобы при объявлении войны устраивалось нечто вроде народного празднества, с музыкой и с входными билетами, как во время боя быков. Затем на арену должны выйти министры и генералы враждующих стран, в трусах, вооруженные дубинками, и пусть они схватятся друг с другом. Кто останется в живых, объявит свою страну победительницей. Это было бы проще и справедливее, чем то, что делается здесь, где друг с другом воюют совсем не те люди». На западном фронте без перемен.	5
Глава 1 «Скучный жизненный путь подобен прямой линии, а удивительный напоминает дугу. Моя же судьба изогнулась параболой». Край льда. Юмэно Кюсаку.	6
Глава 2 «Ах, если бы он открыл рот и закричал! Но он только плачет». На западном фронте без перемен.	11
Глава 3 «И как они скоро все кончаются, все эти старые приличные люди! Чуть только изменились обстоятельства – и нет ничего прежнего, точно порох сгорел». Идиот. Ф. Достоевский.	17
Глава 4 «Что может быть глупее глупого добряка? Злой дурак». Бесы. Достоевский.	21
Глава 5 «Мне и своей собственной догры-магры хватает с избытком, а если возьмусь за чужую, точно свихнусь». Догра Магра. Юмэно Кюсаку.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жизнь после себя

«Он предлагает, чтобы при объявлении войны устраивалось нечто вроде народного праздника, с музыкой и с входными билетами, как во время боя быков. Затем на арену должны выйти министры и генералы враждующих стран, в трусах, вооруженные дубинками, и пусть они схватятся друг с другом.

Кто останется в живых, объявит свою страну победительницей. Это было бы проще и справедливее, чем то, что делается здесь, где друг с другом воюют совсем не те люди». На западном фронте без перемен.

Глава 1 «Скучный жизненный путь подобен прямой линии, а удивительный напоминает дугу. Моя же судьба изогнулась параболой». Край льда. Юмэно Кюсаку.

Казалось, барабаны били по мозгам, не давая сосредоточиться. Было воскресенье, и Анна решила прогуляться, надеясь, что свежий воздух поможет. Витиеватые улицы страны зеркал с забавными лицами людей, кроликов, собак, мужчин и стариков-гоблинов. Из угла выскочит Красная королева, скажет, что пора возвращаться домой. Но где ее дом? И дом ли? Застрясть на границе собственного сознания и реальности, потерять связь с логикой казалось так просто.

Ужасная мигрень.

– Ой, девочка! – воскликнул сиплый старческий голос. – Почем пришла? Что глядеть изволишь?

Она забыла, как зашла в магазин. Анна огляделась. Крошечное помещение напоминало коморку в чулане. Полки и витрины были плотно набиты антикварным хламом разной степени сохранности.

– Нет, спасибо. Я мимо проходила.

Но старушка оказалась не из робкого десятка и отпустить Анну не собиралась. Она улыбнулась и схватила Анну за руку, отчего та вздрогнула.

– Ну уважь старушку, золотце мое, – мелодично пропела она. – Совсем старая стала я. Закрывать магазин буду. Аренду подняли, слыхала?

Анна лишь хмыкнула в ответ. Сложно сочувствовать старушке, которая вцепилась в твою руку железной хваткой.

– Потому и прошу тебя взять маленькую вещицу. Совсем пустячок для такой милой голубки, как ты. Буду вспоминать тебя – молодую версию себя.

Старушка затащила ее в угол коморки-магазина, остановившись между большим саквояжем из крокодильей кожи и потертым временем граммофоном. Она поставила стремянку и взобралась на верхнюю ступеньку.

– Вот он, милоч мой, – она достала с полки пыльную коробку серого цвета. – Хороший, красивый. Как раз то, что надо такой девочке, как ты.

– Телефон? – Анна заглянула внутрь, когда старушка сняла крышку. – Seriously?

Ситуация с каждой минутой превращалась в странный цирк, где старуха пыталась всучить никому не нужный антиквариат. Ей, дурнушке, можно отдать за бесценок.

– О, конечно, конечно! – засуетилась старуха, отодвинув стремянку в сторону, и пошла к кассе. – Станет отличным украшением для квартиры. Винтажный, как вы, молодежь, говорите. Не скупись на хорошие вещи. А чего доброго, и службу сослужит. В твоей квартирке хорошо смотреться будет.

– Да хватит зубы заговаривать! – возмутилась Анна. – Нет у меня денег на твою фигню. Да и если бы были, потратила бы на что-то другое.

Но старушка, казалось, не слышала ее или делала вид, что не слышит.

– О, не скупись, девочка моя! Я тебе почти даром отдам. Так-то он стоит рублей четырехста, а отдам за пятьсот, – она глянула на нее. – Как оплачивать будешь? Картой или наличкой?

Анна открыла рот и закрыла, словно рыба, выброшенная на берег.

– Ну?

– Картой, – промямлила Анна, поднося карту к терминалу.

Старушка расплылась в довольной, лукавой улыбке. Ее морщины странно разгладились, превращая лицо во вздутую после дождя землю. Лукавое, очень зрелище.

– Ну все, все, – она захлопнула коробку и всучила ее Анне. – Бегом домой, бегом. Закрываться мне скоро, на обед. Старая становлюсь, спать и кушать хочется чаще.

Анна очутилась на улице с тяжелой коробкой в руках, чувствуя себя глупо. Ее облапошила милая бабушка, продав старый телефон, которому куча лет.

Замечательно.

Отличное начало выходных.

Домой она вернулась на такси, решив не трястись с коробкой в метро. Вползла на пятый этаж без сил. Разговор с бабушкой высосал из нее последнюю энергию. Достала телефон из коробки и поставила на стол.

– И что мне делать с тобой?

Решила пока оставить безделушку на месте. В маленькой однушке с условно отделенными ванной и туалетом трудно уместиться самой, не то что новым вещам. Обыденность капитализма.

Когда спустились сумерки, Анна лежала в кровати. Глаза слипались от усталости. В голове – неразбериха из мыслей и обрывков идей. Беспокойный мозг, как всегда, принялся разгонять ночную панику.

Тишину пронзил настойчивый, раздвоенный «Трррь-трррь!», похожий на скрежет отвертки по металлу. Анна подскочила с кровати за секунду, сон как рукой сняло. Внутри похолодело, конечности отяжелели.

– Кто это? – она схватила трубку и поднесла к уху. – Говорите!

– Анна? – прозвучал грубоватый, но молодой голос с легкой хрипотцой. – Я дозвонился до тебя? Боже, скажи, что это ты.

Анна замерла. Голос был незнакомым, но в нём было что-то... родное? Она отогнала эту мысль. Бред. Она никого не знает в прошлом.

Привидение? Дух? До этого момента она ни во что такое не верила.

– Что?! – воскликнула она. – Я вас первый раз слышу! Я никому не звонила!

Анна сделала несколько глубоких вдохов, досчитав до десяти. Сердце колотилось в груди. Розыгрыш или нет – уже все равно. Над ней некому было прикалываться. Друзей у нее мало. Она вела закрытый образ жизни.

Ее осенило спросить у мужчины на том конце провода. Сон ли? Надо проверить.

– Какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот двадцатый.

Анна отвела телефон от уха, глянув на настольные часы. Стрелки мирно тикали, показывая два часа ночи и тридцать минут. Затем она ущипнула себя и взвизгнула.

Момент.

Ничего.

Все то же самое. Часы шли, а из трубки доносилось шуршание – мужчина что-то передвигал на столе. Она сглотнула ком в горле. Как такое возможно?

Она дернула рукой, выронив телефон. Действие случилось внезапно. Со страха.

– Блин! – аппарат упал на ногу, больно ударив по пальцам.

– Что там у тебя?

Вселенная откликнулась в тот миг, когда столкнулись две частицы. Оглушительный грохот пространства и времени, предшествующий вихрю. Стоит увидеть рисунок на одной, как вторая мгновенно обретает заданный смысл. Сам акт наблюдения меняет состояние второй стороны.

Сама Вселенная шепчет одну из своих тайн:
– Ты распадаешься.
И она правда чувствует, как распадается.

Швеция – Россия.

Анна очнулась в поезде. Колеса громко стучали по рельсам. В воздухе пахло угольным дымом, который клубился за окном, тянувшейся черной пеленой от головы поезда.

Стоп.

Что?

Поезд?

– Где я? – прошептала она.

Анна стала оглядываться, пытаясь понять происходящее. Люди одеты по старой моде начала двадцатого века. Мужчины в костюмах с мешковатыми штанами, женщины – в длинных платьях. На головах – цилиндры и широкополые шляпки. Яркий макияж на молодых лицах. Приторные, тяжелые запахи духов и сигарет.

Она резко встала и села. Ощупала себя, силясь понять, что это не галлюцинация. Вот талия, вот грудь, вот сердце бьется сбоку. Ущипнешь руку – неприятно вздрогнешь, и ничего. Тот же поезд, полный незнакомых людей.

– Ох, сладкая, – мелодично произнес женский голос. – Что с тобой? Кошмар приснился?

Анна резко повернулась к соседке. Женщина средних лет с волосами, собранными в прическу, в чопорном фиолетовом платье, облегающем фигуру. Странная личность.

Она попыталась заговорить, но в горле пересохло, и слова отказывались собираться в предложения. Страх прошиб ее, тело задрожало. Паническая атака? Она очутилась неизвестно где со странной женщиной в вагоне поезда. Хороший повод для истерики.

– Милая моя, – та коснулась ее плеча. – Не трясись. Все хорошо. Это был всего лишь кошмар. Ты дома.

Последние слова прозвучали жутко. Анна нахмурилась, резко стряхнув ее руку. Но страх отступил совсем немного.

– Вы кто?

Женщина подняла брови вверх, затем рассмеялась.

– Мы познакомились в поезде, – ответила она размеренным, ласковым тоном и снова коснулась руки Анны.

В голове мелькнули воспоминания. Вокзал, чемодан, судорожно собранные на дорогу деньги и билет. Вот она еще раз перечитывает письмо, написанное тонким аккуратным почерком, сворачивает и кладет в сумку.

Но это не ее воспоминания, нет-нет. Она же была дома, верно? Разговаривала по тому телефону с мужчиной из прошлого. Потом телефон упал ей на ногу, и наступила темнота.

– Милая? – позвала женщина, мягко сжав ее руку. – С тобой все хорошо?

Происходящее походило на жуткую, смешную галлюцинацию. Как это возможно? Неужели ее жизнь – лишь мимолетный кошмар? А эта, с чопорными людьми на пороге двадцатого века, – настоящая?

Нет.

Она еще раз ущипнула себя. Больно. Она реальна. Она не спит. Воспоминания в голове – настоящие, и внешность ее. Век другой, вот и все. Сто лет назад.

– Мне это снится?

– Нет, – с добродушной улыбкой ответила женщина.

Она тронула губы. Язык французский. Кто бы ни была эта Анна, она говорила по-французски. Она знала только английский.

Но и у этой Анны, похоже, тоже были вынужденные обстоятельства.

Одно она понимала точно: это не ее воспоминания, а другой момент; происходящее может быть искаженным сном сознания после солнечного удара.

Логично?

Логично.

На первые пару дней отговорка сойдет для себя. Дальше – надежда только, что проснешься.

– Напомните, пожалуйста, как вас зовут, – Анна решила перевести тему на безопасное русло.

– Ты можешь называть меня миссис Чейн. Но я предпочитаю просто Мисси.

В шутилой болтовне ни о чем они так и доехали до конечной остановки. Анна даже немного расслабилась, отпустив тревогу на время.

Поезд доехал до станции. Люди засуетились, стали доставать чемоданы и сумки из багажных сеток под сиденьями.

Они вышли, пересекли мощеную дорогу, свернули за угол и пошли по улице Фонтанке. Анна огляделась со смесью опаски и восхищения. Даже если все вокруг – галлюцинация, местный колорит поражал.

Волна новых звуков, горьких, терпких и пряных запахов, пестрота людей. А сверху накладывалось странное, незнакомое время. Анна согнулась пополам, чувствуя подступающую тошноту.

Дерьмо.

– Анна! – тут же воскликнула Мисси, заметив ее состояние.

Та замахала рукой, останавливая ее. Нет, она должна справиться сама. Несколько глубоких вдохов и выдохов, счет до десяти – сердце перестало колотиться, тошнота отступила.

– Боишься толпы?

– Нет, – Анна сжала ручку дорожной сумки. – Все в порядке.

Кое-как разобравшись с картой, которую прислала тетя Полли, они наконец добрались до нужного дома. Хаотичная застройка домов сбивала с толку кого угодно.

Дома на улочке стояли вплотную, будто в конструкторе, где забыли разделить детали. Кто-то на первом этаже устроил мастерскую, а семья жила на чердаке. Или на втором, судя по крикам из окон. Двор один на всех, длинный. Людей много. Стоял стойкий запах угля и дыма. Неудивительно – его только-только начали широко использовать для промышленности и бытовых нужд.

– Улица называется Аптекарская, – пояснила Мисси.

– Понятно.

Скромная вывеска над нужным окном: «Мастерская мисс Перегрин». Сюда? В памяти всплыли чужие воспоминания. Высокий мужчина с торчащими ушами, бывший муж. Когда она уезжала, они лишь холодно попрощались. Прежняя Анна его не любила. По пути написала письмо тете, что хочет пожить с ней пару месяцев.

Тетя? Получается, она идет к тете.

Пространства между домами почти не было – виной тому близко построенный завод, теснивший соседние строения и отравляющий воздух. Люди жили либо в комнатках при заводе, либо вот так, рядом, в крошечных квартирах – у кого хватало денег.

Людей вокруг много. Это нормально? Она не понимала. Старики играли в лото. Дети прыгали в классики. Женщины стирали в тазиках, развешивая мокрое белье на веревках между воткнутых в землю железных прутьев. Судя по цвету воды, стирали в ней много раз подряд.

Из дома вышла женщина в фартуке поверх платья. Анна внутренне съежилась. Что ей сказать? Она себя-то не помнит!

Анна беспомощно посмотрела на Мисси, та лишь хихикнула.

– Иди, сладкая. Увидимся позже.

Стоило Анне отвернуться, а затем снова посмотреть на то место, где стояла миссис Чейн, – там уже никого не было.

Полли обняла ее. От женщины пахло табаком, сухой тканью и керосином. Табак – потому что курит. Керосин – от ламп. А сухость? Наверное, специфический запах тканей из ателье.

– Как добралась?

– Хорошо. Спасибо, – на автомате ответила Анна.

А что она могла сказать? Полная растерянность. Чужой век! И вот появляются люди, которые ее знают.

Тетя пригладила ее волосы и улыбнулась.

– Я помню твою маму. Ты выросла, стала такой же красивой.

– Спасибо, тетя, – машинально повторила Анна.

Мама? Но у нее была другая мать. И все же она оказалась в странной ситуации, где жаловаться бесполезно. Конечно, та говорила о матери девушки, чьи воспоминания были в ее голове.

– Не хмурься, деточка, – Полли поцеловала Анну в лоб. – Главное, что ты уже дома, в России.

Глава 2 «Ах, если бы он открыл рот и закричал! Но он только плачет». На западном фронте без перемен.

Она проводила ее по лестнице. Верхний этаж разделен на две крошечные комнаты. Условия ужасные. Пространства мало, а сквозь стену доносились разговоры других жильцов. Уснуть трудно. Другого выбора не было.

– Туалет на улице. Помыться тоже там, – она впустила Анну. – Кровать, шкаф и ночной горшок под кроватью.

Анну пробрало. Ночной горшок? Привыкшей ко всем благам современной квартиры, ей придется туго. Бегать на улицу ночью или побороть брезгливость и воспользоваться им, чтобы утром вылить.

М-да.

К такому ее жизнь не готовила.

Она переключила внимание на осмотр комнаты. Комната даже меньше десяти квадратных метров. В углу кровать с подушкой и одеялом, напротив старый шкаф, а справа крошечное окно. Из него видно общий двор. Женщина, развешивающая одежду, ушла. Мальчишки играли в мяч.

– Спасибо, – Анна поставила сумку на пол.

– Обед будет в час. Не опаздывай, – сказала Полли тоном, не терпящим возражений, и ушла, закрыв дверь.

Анна села на кровать. Матрас под ее весом противно скрипнул.

– И что мне делать? – пробормотала Анна.

Она оглядела маленькую комнату, словно спрашивая у предметов ответы на свои вопросы, но тщетно. Станные люди, причудливая женщина в вагоне поезда и вот теперь вынужденное жилье с семьей. С теми, кого она не знает.

Может, сон?

Но с каждой минутой, проведенной в этом кошмаре, она убеждалась, что нет. Такой масштабный сон даже на пьяную голову не придумаешь. А она никогда не пила. Значит, происходило нечто более серьезное, чем временное помешательство.

Полли ушла на кухню готовить обед. Когда она разожгла угли в печи, поставила горшочек с картошкой. Помешивая временами, прислушивалась к препирательствам детей.

Комнату разделяли занавески, порванные в нескольких местах. Часть, где располагалась мастерская: стул, швейная машинка, коробки с нитками, иглами и тканями. Кухня ютилась справа от окна, выходящего во двор. В центре стоял стол со стульями. Со стороны выглядело бедно, но в целом сносно, если не быть привередливым, когда денег мало.

Мария сидела на полу и пыталась сложить из газеты бумажный кораблик. Федор, Петр и Марк сидели за столом и играли в карты.

– Ну, что думаешь? – Федор тасовал карты.

– О чем? – поинтересовался Петр.

– Девчонка при деньгах, – шутливо сказал Марк. – Родственница Полли.

– Увидели девушку и начали пускать слюни. Вы придурки, – Мария закатила глаза.

– Эй! Кто пускает слюни? Не я! Я просто интересуюсь! – возмутился Марк.

Федор раздал карты по семь штук и три положил на «прикуп».

– Играем на ставку. Кто наберет больше всего очков, получит три рубля, – он положил монеты в центр стола. – Делайте ставки.

Кругленькая, маленькая, она так красиво блестела, что заворожила взгляды парней. Все начали всматриваться в карты, прикидывая, сколько могут объявить.

– Давайте там, быстрее заканчивайте, – крикнула Полли с кухни.

– Сейчас! – ответил Федор.

– Сто, – первым пошел Марк.

– Пас, – отозвался Федор.

Взгляды обратились к Петру, гадая, сколько он назовет.

– Сто десять.

– Сто двадцать, – не сдаваясь, ответил Марк.

– Пас, – сказал Петр.

Марк просиял, подобно восходящему солнцу. Он потянулся к прикупу с радостью. Развернув карты, взгляделся, сбросил ненужные и объявил:

– Козыри черви!

Федор и Петр досадливо фыркнули. Сбросили еще по паре карт из своих колод. Каждый горел азартом, желая взять заветные три рубля. Для мальчишки из бедного квартала три рубля – это целое состояние!

Когда наступил подсчет очков, карты были сброшены. Пальцы разбирали груды карт, выуживая старшие масти и откидывая мелочь.

– Сто пятнадцать, – объявил Петр.

Марк не добрал до своей ставки. Победа уплыла от него. Он хотел предложить новый раунд, чтобы отыграться, но вернулась Полли. Федор, хитро улыбаясь, забрал монеты.

– Что вы тут устроили? – она поставила тарелки на стол. – А?

– Они опять играли на ставки, – воскликнула Мария.

– Ах ты мелкая! – раздраженно сказал Марк.

– Да! Ты должна покрывать братьев, а не сдавать их! – поддержал его Федор.

– Ничего я вам не должна, – возразила она. – Полли запретила играть на деньги.

Федор закатил глаза, а Марк фыркнул, как старая уставшая лошадь. Полли вздохнула.

– Помогите накрыть на стол, – скомандовала она. – Иначе заставлю оттирать грязь с пола собственными руками.

Братья тут же вскочили, позабыв про карты, и умчались на кухню.

На обед расселись спокойно, за исключением пары моментов, когда Федор подначивал Марка, а Петр пресекал попытки подраться.

Достали тарелки, разложили еду, поставили стаканы чая. Мутноватого цвета заварка пахла крепко. На тарелке – кусок бурого цвета хлеб, явно испеченный из нескольких видов муки. Сверху намазан растопленный жир бурого цвета с белыми вкраплениями. Рядом скромная горка вареной картошки.

Трапеза прошла обычно. Обсуждали события дня. Марк и Федор рассказывали, что после мастерской ходили с друзьями. Петр время от времени добавлял пару слов.

Пространство за занавеской, именуемое кухней, выглядело крошечным. Справа, у стены, стояла печка. На столике лежали набор посуды, разделочная доска, ложки, половник и ножи. На полке сверху стояли несколько пачек муки, гороха, овсянка, бутылка масла, жестяные банки (первые консервированные продукты, только входившие в обиход), а рядом коробка, из которой торчали бинты и предметы первой помощи. На полу стоял тазик сероватого цвета с водой. В нем и мыли посуду.

Анна сначала наблюдала, как Петр, Федор и Марк, первые окончившие обед, намыливали тарелки странным мылом черного цвета. Она сморщила нос. Пахло золой, льняным маслом

и песком. Ей с трудом удавалось мириться с местными слишком яркими и непривычными запахами. В двадцать первом веке в городе так не пахнет.

– Чего кривишься? Привыкай, – сказал Федор, которого явно позабавило ее безразличное лицо.

Отряхнув остатки мыла, они поставили тарелки на стол и ушли. Затем зашла Мария. Анна, пытаясь смириться с отвращением, села рядом и помыла с Марией свою тарелку.

За тысячу световых лет от Млечного Пути. Галактика Mом-z14.

Галактика Mом-z14. Место, отдаленное на многие миллионы световых лет от любопытных глаз людей, телескопов и инопланетян. Здесь нет галактической пыли. Небо при определенном угле наблюдения переливается фиолетовыми отсветами, подобно северному сиянию. Кто-то называет эту галактику колыбелью сверхмассивных звезд. Местное пространство всегда было обогащено азотом при малом количестве углерода и кислорода, что позволяло постоянно рождаться новым светилам, которые затем, словно мячики для пинг-понга, разлетались в другие уголки Вселенной.

Местные жители, обитающие здесь не один миллион лет, называют себя пилигримами – вечными искателями новых знаний. Это гуманоидная раса, древняя, как само пространство времен начала Большого взрыва.

Они хранят великую тайну. Неуловимая материя, которая никому не подчиняется. Никто не может найти и обуздать ее как источник энергии невероятного масштаба. Тех же, кому это почти удавалось, сгубила жадность и властолюбие, что в итоге уничтожило целые планеты. Галактика GN-z11, когда-то богатая, как Марс в лучшие годы, пала. Увлечшись созданием гравитационных ловушек для темной материи, ее обитатели породили черную дыру, которая поглотила их. Галактика HD1, сформировавшаяся в начале реионизации Вселенной, где водород и гелий, сжимаясь, давали начало первым звездам, квазарам и галактикам. «Великое начало», как называют его историки-пилигримы.

Но что случилось в итоге?

Они сами загнали себя в угол экспериментами по непрерывному звездообразованию. Гравитация преодолела все мыслимые пороги, ударные волны от взрывов сверхновых оказались слишком мощными, и цивилизация не справилась.

А теперь под фиолетовым небом и среди красных песчаных дюн возвышаются высокие шпили башен. По черным, будто парящим, дорогам мчались сверхскоростные машины. И в самой высокой башне с золотым куполом заседали консулы пилигримов.

Один из них выделялся своим видом. Волосы, зачесанные назад, сбритые виски, мантия консула, накинутая небрежно. От скуки он отбивал ритм пальцами по столу. Остальные сидели с серьезными лицами в огромном зале. Высокие потолки, массивные кресла и давящая духота старины.

На повестке – создание линзы для искривления света от скопления звезд Тау Кита, видимого на фиолетовом небе и днем, и ночью.

– И почему это нужно?

– Как зачем? – вскрикнул старик с бородой. – Мы должны обезопасить себя от нежелательного внимания!

– Да, да, – протянул, почесывая бороду, седой мужчина.

– Если мы перенаправим свет в другое русло, то сможем фокусировать энергию.

– Но что мы будем с ней делать?

– Ученые предлагают усовершенствовать систему замедляющих камер. Можно модернизировать места заключения.

– Хорошая мысль, – согласился старик. – А ты что думаешь, Чейн?

Самый странный и, по мнению остальных, неправильный консул в зале.

– Я? Ничего, – он вздрогнул, когда его окликнули. Видимо, витал в своих мыслях. – Вы и без меня все обсудите и договоритесь.

– Но нам нужно твое согласие, – настаивал мужчина.

– Отлично, – сказал старший консул, удовлетворенный покорностью Чейна.

Когда все закончилось, собравшиеся стали расходиться, обменявшись рукопожатиями или кивками. Странные жесты существ, считающих себя выше людей и прочих форм жизни.

В коридорах его поймали. Чейн надеялся улизнуть подальше от давящих высотой потолков и спиральных орнаментов на стенах. Слишком большие пространства заставляли чувствовать себя неудобно.

– Что еще? – обреченно говорит он, но тут же запнулся, поняв, кто перед ним. – Мама?

Отца и матери нет у пилигримов. Детей «лепят» из темной материи согласно пожеланиям «родителей». Чаще всего договор между двумя существами, из брака которых выходят будущие консулы, ученые и инженеры. Вся жизнь пилигримов строится на изучении и взаимодействии с темной материей. От кораблей «Токсоч», путешествующих сквозь пространство и время, до сфер Дайсона.

– Ты куда спешишь? – сухо поинтересовалась женщина, словно уже зная его планы.

По правде говоря, он и спешил, надеясь отыскать, куда упрятали его корабль. Месяц заточения начинал тяготить.

– Никуда.

– Правда? Тогда почему глаза бегают?

Он фыркнул.

– Мам.

– Не мамкай мне тут. Для тебя я Дзета, – раздраженно сказала она.

Вот, чудесно. Семейное воссоединение явно не задалось. А он еще и отца не видел, который его терпеть не мог. Идиллия.

– У меня свои дела, – обрывает холодно Чейн. – Куда иду, тебя не касается.

Дзета поджимает губы – признак недовольства. Она ожидала, что ее приказ-просьбу встретят покорностью, так работало, когда он был юн.

Чейн ушел, не дожидаясь ответа матери.

Переодевшись в штаны, обувь, рубашку и пальто, отправился на поиски корабля. Идти по стеклянным коридорам дворца, а потом вдоль дорог, ловя на себе удивленные взгляды других пилигримов, было забавно. Его земной вид дико контрастировал с их одеяниями.

А в башне консулов гремели разговоры о семейных проблемах. Слова, произнесенные двумя фигурами, отражались эхом от стен. Дзета с нахмуренными бровями и искривленным в гримасе ртом. Рядом ее муж Кастор, стоявший, скрестив руки за спиной, подобно древним статуям первых консулов.

– Вон он! – она обвиняющее ткнула пальцем в окно, где виднелась фигура Чейна. – Что ты собираешься делать? Позволишь ему улизнуть?

Ее голос повысился на несколько тонов, злой и раздраженный. Кастор не отреагировал, привыкнув к вспыльчивости жены.

– Позволю.

– В смысле? Зачем? Почему?

Она действительно надеялась на другой исход. Зная приверженность мужа к традициям наследования, как и во всех уважающих себя семьях. Она думала, что он силой заставит Чейна остаться. Что, собственно, и работало пару недель. Пришлось пойти на крайние меры с щитами невидимости его корабля, чтобы как можно дольше сын не мог его найти. Какая-то часть ее сожалела об этом, ведь видеть его злое лицо было больно.

– Пускай играет, – Кастор говорит холодно. – Я в его возрасте хотел того же.

– Но!

– Пускай, – перебивает он. – Мы всегда можем найти способ вернуть его.

Дзета поджала губы, глянула вновь в окно, но Чейна там уже не было. Она в смятении. С одной стороны, муж прав. С другой – на душе горько.

Корабль он нашел припаркованным около Фонтана Жизни с кристально чистой водой. Посреди пустыни фонтан мог показаться кому-то глупостью, но консульство издало закон о строительстве таких сооружений для поддержания баланса местной экосистемы. Спинолазам, карабкающимся по песчаным горам, и шестиходам, роющимся под землей, вода нужна для существования.

Едва видные треугольные очертания корпуса корабля проступили сквозь щиты невидимости, если очень приглядеться.

– О, дорогая! – воскликнул он радостно.

Открыл дверь и зашел. Корабль напоминал гротескную пирамиду древних фараонов. Стены, расписанные узорами, колонны под потолком, каменный пол и уходящий вглубь проход в другие отсеки. В центре – рулевая рубка управления кораблем, над которой возвышалась фиолетовая колонна с пульсирующей внутри темной материей.

Гениальная разработка, позволяющая совершать прыжки в пространстве-времени. Возникают огрехи в виде горизонтов событий из-за колоссальной отрицательной энергии темной материи. Реже двигатель не выдерживал давления и начинал разрушаться, что приводило к катастрофе. Поэтому ввод кораблей класса «Токсоч» в эксплуатацию приостановили для доработок.

– Какие люди!

Из коридора вышла женщина. На ней странное платье с фиолетовыми кружевами, напоминающее наряды пышных дам девятнадцатого века. Весь ее вид источал самоуверенность.

– О, боги, нет, – Чейн закатил глаза и потер переносицу. – Только не ты. Так и знал, что ты поставила «Токсоч» рядом с фонтаном. Она не любит влагу.

– Да, сладкий.

Со стороны его поведение могло выглядеть странным, но в нем была своя логика. Они вдвоем пережили многое: от лютой ненависти и желания убить друг друга до дружбы и последующих отношений. Она всегда была импульсивной, действуя быстрее. Иногда он любил такое качество, но чаще нет, потому что оно приносило проблемы. Он же порой вел себя как дурак, но в целом старался поступать по совести (если у пилигримов вообще есть нечто подобное). Каким-то образом они сошлись.

– Безумно сожалею, что отрываю тебя от семейного воссоединения, – она спрыгнула со ступенек и подошла ближе. – Но тут случилось одно крайне интересное дело.

– Что?

– Квантовая запутанность, – она развела руками. – Хотя я бы назвала это замыканием временно подобной кривой. Трудно сказать, что именно правда.

Его рот открылся от изумления, брови поползли вверх. Если это не очередная шутка Мисси, значит, случилось нечто серьезное.

– Ты случайно не пробежала мимо? – уточнил Чейн, желая исключить ее вмешательство.

– Нет! – она возмутилась. – Я засекла сигнал и прибыла на место событий.

– И что было дальше?

Миссис Чейн быстро пересказала все случившееся: появление Анны, ее шок, приведение в чувство и то, как она довела ее до адреса в Санкт-Петербурге. Чейн слушал внимательно, кивая.

Таинственная история.

В своей практике он сталкивался со временными аномалиями и, подумав, решал их. Здесь другой уровень.

Две Анны, представляющие собой одно целое, как в эксперименте с квантовой запутанностью. Некий объект или событие привело к смещению их мировых линий. Так создалась новая ветка реальности, где появилась другая Анна с сознанием из будущего в теле прошлого. При этом сознание оригинальной хозяйки тела либо угасло, либо никогда не существовало в этой мировой линии.

Мисси блеснула хитрой улыбкой, понимая, что заинтриговала его.

– Ну что скажешь? Полетим?

– Да.

Глава 3 «И как они скоро все кончатся, все эти старые приличные люди! Чуть только изменились обстоятельства – и нет ничего прежнего, точно порох сгорел». Идиот. Ф. Достоевский.

Когда Анна зашла в дом, то увидела гостей. Они появились будто из ниоткуда. Она знала, что тетя Полли никого не ждала. Мужчина был одет в костюм-тройку, поверх которого пальто, выглядевшее довольно дико. Напоминал ученого-физика, сбежавшего с какого-то секретного проекта.

Рядом с ним Анна узнала Мисси. Та смотрелась еще страннее, чем при первой встрече. Если бы викторианская дама и торнадо захотели завести ребенка, получилась бы именно она. Ядовито-фиолетовое платье сочеталось с кружевными рукавами. Шляпа на голове была протестом против хорошего вкуса. Хаотичная конструкция из перьев и цветов, которую даже искусством не назовешь.

– Анна, они сказали, что к тебе, – тетя Полли на мгновение подняла голову от толстой книги и стопки монет, чтобы глянуть на нее.

– Да, спасибо, – Мисси ярко улыбнулась, схватив Анну под локоть. – Как ты, милая?

– Все хорошо, – запинаясь, сказала Анна.

Были ли эти люди друзьями той, другой Анны? Она пыталась вспомнить, перебирая в памяти обрывки чужой жизни, но ничего не находила.

– Мисси, – строго оборвал он. – Не при людях.

– Да ну тебя, – она надула губы, притворяясь обиженной.

– С Мисси ты уже знакома, – он проигнорировал ее детскую выходку, обращаясь к Анне.
– А я мистер Чейн.

– Вы женаты? – вырвалось у Анны.

Глупо. Начиналось все так просто: телефон, который старушка навязала, разговор с мужчиной из прошлого. А теперь она здесь, пытается свыкнуться с реалиями прошлого. Как вакуум вокруг планет – тихий и бескрайний, – она оставалась одна в этом огромном новом мире.

Ей много не хватает. Бытовые удобства, телефон, интернет, возможность контролировать свою жизнь. Перечислять можно долго. Но здесь, в Российской империи начала двадцатого века, она остро понимает, как мала и ничтожна человеческая жизнь. Контроль утекает сквозь пальцы вместе с благами цивилизации.

Мисси рассмеялась заливисто. То, что сказал мистер Чейн, было, по ее мнению, самой забавной шуткой во Вселенной.

– Мы больше чем просто муж и жена. Партнерство как бы я назвала, – заговорщически шепнула она.

– Миссис Чейн!

– Ну что еще? – воскликнула она, обнимая Анну так крепко, как мать обнимает приемную дочь. – Нельзя делиться подробностями?

Чейн закатил глаза.

– Мы пойдем, – он кивком головы попрощался с Полли.

Полли помахала рукой на прощание.

– Что? Куда? – возмутилась Анна, но ее протесты никто не услышал.

Пройдя несколько улиц и переулков, они оказались на месте. Чейн подошел к чему-то невидимому. Объект ловил солнечные блики и отражал их. Материя, впитывающая свет.

– Как удивительно.

– Конечно, – Мисси гордо сказала. – Это вантблэк – материал для щитов невидимости корабля.

– Ух ты.

– То ли еще будет.

Чейн открыл дверь, зашел, за ним последовали Мисси и Анна.

– Ох, – выдохнула она от благоговения.

Она стояла внутри идеальной пирамиды. Интерьер, рисунки и надписи одновременно напоминали древнеегипетские мотивы и что-то неизвестное. Пространство дышало древними знаниями. Ее взгляд упал на центр помещения. Каменная колонна, скорее похожая на жертвенник древним богам, чем на пульт управления кораблем.

Голографические изображения галактик парили над консолью, сменяя друг друга. Короткие и длинные рычаги управления, несколько шаров, встроенных в панель, напоминали цветастые для дискотек камни разного цвета, служившие, как поняла Анна, кнопками.

Она не могла вымолвить слова. Ее мозг отказывался усваивать полученную информацию. Она едва начала привыкать к существованию в начале двадцатого века, и тут такое!

Мистер Чейн, стоя у консоли, проследил за ее взглядом, полным ужаса и благоговения.

– Впечатляет? Ваш вид строит тяжелые, громоздкие корабли, чтобы добраться до ближайших планет. Мы же научились находить красоту в темной материи.

Мисси коснулась изображения галактик, и они преобразовались в мягкое газовое облако. Анна ахнула, прикрыв рот рукой.

– Оно изменилось!

– Конечно, дорогая, – Миссис Чейн улыбнулась. – В космосе возможно многое.

Голова шла кругом. Она познакомилась с существами, чьи технологии превосходили все, что она знала. Она падала в кроличью нору глубже. Обратного пути не было.

Прошлое, Российская империя, а теперь инопланетяне с космическим кораблем. Трудно было оставаться в здравом уме.

– Что же тогда произошло?

– Именно поэтому мы здесь, – кивнул мистер Чейн.

Мисси коснулась голограммы, и та превратилась в два пузыря, висящих рядом, почти соприкасающихся краями.

– Ты не перешла из одной вселенной в другую, – сказала она. – Ты стала точкой, где две реальности соприкоснулись. Понимаешь? Как две волны, которые на мгновение совпали по частоте.

Чейн подошёл ближе и ткнул пальцем в один из пузырей:

– Обычно вселенные не пересекаются. Они как капли воды, которые скользят мимо друг друга. Но ты стала той редкой каплей, которая запуталась с соседней. Ваши миры теперь связаны через тебя.

– Когерентность, – добавила Мисси, и голограмма замерцала, показывая две линии, которые слились в одну. – Твоя волновая функция и её — совпали. Ты и та, другая Анна, стали одной системой. А потом — суперпозиция. Ты одновременно была и здесь, и там.

Анна смотрела на голограмму, ничего не понимая. Пузыри дрожали, расходились, снова сближались. Голова шла кругом.

– И что теперь? – спросила она.

– Теперь, – Мисси пожала плечами, – мы ищем способ их разъединить. Не разрушить, а просто вернуть каждую на своё место. Ты станешь точкой, через которую вселенные отойдут друг от друга.

– Это... возможно?

– Возможно, – сказал Чейн. – Но не быстро. И не без риска.

Он замолчал. Мисси тоже не добавила ни слова. Только голограмма продолжала мерцать, показывая две вселенные, которые когда-то были одним целым.

Анна обхватила себя руками.

– Я боюсь, – прошептала она.

– Бояться нормально, – сказала Мисси, и голос её стал мягче. – Ты человек. А люди боятся того, чего не понимают. Но мы с тобой, сладкая. Мы найдём выход.

Анна перевела взгляд с серьезного лица Чейна на восторженное лицо Мисси. Странные люди. Нет, инопланетяне-пилигримы. Кто вообще придумывает такие названия для рас?

Миссис Чейн действительно смеялась над ее ситуацией или, что более вероятно, просто испытывала азарт от новой загадки. У инопланетян есть адреналин? Для этого нужна кровеносная система.

– Я могу вернуться? – ее голос сорвался, звуча слишком тихо. Во взгляде читалось отчаяние. – Мой мир исчез?

– Да, милая. Он есть, просто не в этой ветке реальности.

Анна кивнула. Несправедливо. Как так? Она только приехала в другой город, начала с нуля, и тут такое. Не осталось ничего. Страх навсегда остаться в этой волне, дрейфовать, как никому не нужный корабль. Вечная аномалия. Иная в мире других людей. Участь умереть в один день, и никто не вспомнит ее.

Живая аномалия.

Ошибка когерентности.

Но если они предлагали помощь своей, пусть и непостижимой, наукой, значит, надежда есть. Хрупкая.

– Хорошо. Я согласна. Что мне делать?

Чейн не ответил сразу. Лицо его – полотно чистой науки и космоса, если у инопланетян есть настоящие оболочки.

– В науке нет строгого руководства «что делать», – он вздохнул. – Наука описывает происходящие события. Я бы мог нарисовать тебе диаграммы волновых функций вселенных. Но какой смысл? Тебе они ничего не скажут.

– И не помогут, – подчеркнула миссис Чейн.

– Да, – согласился Чейн. – Твоя задача сейчас – выжить и не сойти с ума. Не позволить одному сознанию дожрать другое, создав нечто невообразимое.

– Доказывай, что ты здесь, дорогая, – миссис Чейн сочувствующе посмотрела на нее. Она – щенок, потерявшийся в большом городе. Только вместо города – другая вселенная. – Каким бы невозможным «здесь» ни было.

– Но как?

Как не раствориться в местной действительности? Где оба сознания сольются окончательно, и не останется никого, кроме новой Анны?

– Не пытайся понять это одним разом, – сказал мистер Чейн. – Разбей действия на кусочки. Любое деяние, которое поможет ощущать себя собой.

– А мы сделаем все, что в наших силах, милая.

– Когда мы найдем решение, – он сжал плечо Анны, – мы сообщим. Расскажем о рисках. Выбор будет за тобой.

Он не дал четких сроков. Дал веру в то, что она останется человеком в этом водовороте волновых функций.

– Но зачем вы это делаете? Какая выгода? – любопытство пересилило страх.

– Веселья ради, – Мисси пожала плечами.

– Мисси! – рыкнул на нее Чейн.

– Что?

– Мы помогаем.

– Да, да, – Мисси заметила, что Анна плачет. – Эй, сладкая, иди сюда. Не обижайся. Мисси обняла ее.

– Да, – с легким сарказмом сказал Чейн. – У нее скверное чувство юмора.

Анна шмыгнула носом, прижимаясь к женщине. Слезы полились градом. От миссис Чейн пахло свежими травами, звездной пылью и уходящими в бесконечность годами.

Глава 4 «Что может быть глупее глупого добряка? Злой дурак». Бесы. Достоевский.

Когда Анна ушла, в главной комнате стало тихо. Обычное состояние для их тысячелетнего совместного брака-путешествия. Мисси с самым невинным видом уселась поболтать с головой Шиутекутли. Со стороны это выглядело жутковато – голова напоминала обезображенную версию шекспировского Гамлета. Череп, покрытый зеленой мозаикой, с впадинами глаз, носа и рта, заполненными белыми камнями, изображающими лицо. Предположительно, это была маска ацтекского бога Шиутекутли или Тлателолко. Ученые до сих пор не разобрались.

– Ты достаешь его поболтать, когда со мной становится скучно, – сказал мистер Чейн.

Перед ними мерцала голограмма событий, приведших Анну в прошлое. Сеть причин и следствий в миниатюре: от покупки телефона до обморока и попадания в начало двадцатого века.

Голова Шиутекутли тараторила о глупых людях, вулканах и дурно пахнущих носках. Примечательно, что он говорил правду, так как Мисси хранит его в большом носке под кроватью. Он был против, все-таки древняя реликвия. Миссис Чейн уверяла, что череп подарил ей сам Шиутекутли, когда она оказалась на заре ацтекской империи.

– Как ты догадался?

– Заметил периодичность.

Он пытался работать. Нужно было найти первопричину, точку отсчета, которая привела к такому исходу ситуацию Анны.

– Спасибо, – Мисси хмыкнула. – Мне тоже он нравится.

Она вытянула ноги, уперевшись ими в колонну. Череп лежал у нее на коленях, неустанно открывая и закрывая рот. У него была дурная привычка, по меркам миссис Чейн, жаловаться на все подряд.

– Ты же знаешь, что я тебя обожаю? – в его голосе прозвучал сарказм.

Обычно они общались на волнах сарказма и пассивного недоверия. Вовсе нет. Скорее, это была норма в странном браке. Людям такое могло показаться чудаковатым, но им было комфортно. Хотя что людям не кажется странным? Почти все, что не вписывается в рамки «нормальности».

– Конечно, – она потянулась, разминая плечи. В человеческом облике много неудобств.

– Как тебе этот век?

– Горький вкус декаданса, словно перезревшая груша.

– Согласна. А еще ужасные платья.

– Говорит та, которой нравится викторианская эпоха, – он закатил глаза.

Правда. Она питала страсть к моде той поры. Затянутые в талии платья, пышные юбки, множество слоев, бантиков и рюшей, но минимум функциональности. Со времен их первого побега из родной галактики на Землю именно викторианская эпоха стала для миссис Чейн первой любовью. Возможно, поэтому она так влюбилась в антураж и моду. Если, конечно, забыть об антисанитарии, болезнях и тоннах лошадиного навоза на улицах.

– Эй! Мне нравится эпоха королевы Виктории и короля Эдуарда, – возмутилась Мисси.

– Да упокой Вселенная его душу. Хороший был мужчина.

– И умер быстро.

– Он, вроде, слабым был.

– Ага.

Мисси погладила череп, на что тот недовольно щелкнул челюстью. Чейн вновь обратил внимание на голограмму. Две волновые функции вселенных сложились, создав суперпозицию. В иной ситуации, если бы суперпозиция затронула всю вселенную, коллапс был бы куда масштабнее, и выходить из него пришлось бы иначе.

Но в их случае запутались лишь тело и разум двух героинь. Для вселенной это событие – незначительная рябь, легкое «обновление» истории одного человека. Истории, где персонажи перепутались и познакомились, хотя в правильной ветке реальности никогда бы не встретились. Та же тетя Полли, если рассуждать, не должна была оказаться в столице. А трое братьев и сестра должны были расти с отцом и матерью в Оренбурге. А сама настоящая Анна Павловна должна остаться в Российской империи с братом.

Коллапс гибридного состояния, создавший когерентную смесь.

– Что скажешь про Анну?

– Бедная девочка.

– Я не о том, – Мисси закатила глаза. – Я о том, что она рассказывала. Телефон, бабка в антикварной лавке.

Чейн почесал подбородок. Если предположить, то Вселенная уже учла парадокс до его возникновения, то выходит, что он случился в любом случае. Принцип Новикова сработал как нельзя лучше. А теория о замкнутой временной кривой говорит о том, что телефон совершил круг по своей мировой линии. Начальная точка существования телефона уже существовала в петле. И здесь можно вернуться к термину ретропричинности.

– Ну что?

– Думаю.

– И надумал?

– Ты права. Но нам это ничего не дает, – он покачал головой.

Мисси закатила глаза. Череп болтал. А темная материя в трубах машины Токсоч издавала булькающие звуки, мерцая переливами глубоких цветов.

– Но собрать все воедино нужно.

– Ага.

Мальчишки еще не вернулись с прогулки, а Мария играла с другими девочками в горелки. Анна зашла в дом. На пороге ее встретил мужчина с большой сумкой через плечо, в плоской шапке, сдвинутой набекрень. «Почтальон», – догадалась она.

– Ты как раз, – Полли сидела за столом, держа трубку, покуривая. – Тебе письмо.

Письмо? От кого? Она никому не писала.

– Получите, распишитесь, – почтальон протянул конверт.

Анна взяла его, неловко покрутив в руках. Желтый конверт с адресами отправителя и получателя. В центре – красная печать с изображением двуглавого орла и двух перекрещенных жезлов. Почтовая печать.

– Так, – тетя проводила почтальона. – Твой брат просил дать адрес. А отказывать невежливо, кровь родная.

Брат? Анна вытаращила глаза, словно женщина сказала, что небо сделано из попкорна. Хотя в это время попкорн еще не изобрели. И как теперь узнать, кто это, не выдавая себя за безумную, забывшую родного брата? Задача со звездочкой.

– Что, собственно, ему надобно? – она сказала с напускным безразличием.

Мистер Чейн говорил, что ей нужно влиться в местную жизнь? Вот отличная возможность напомнить себе, что она еще жива. Она помнит себя. Пусть даже ее и хозяйки сознание перемешались, как суп, а половина чужих воспоминаний будто ветром сдуло.

– Ну, ты же знаешь, – Полли сказала так, будто это было само собой разумеющимся. – Твой развод с Вильгельмом и возвращение домой. Семья хочет узнать, что случилось.

«Что? – подумала она. – Вильгельм? Какой-то герцог, что ли? Боже мой, во что она влипла! Если она вернется назад, обязательно подаст жалобу на магазин. Или на старуху. Разберется потом».

– А, – промямлила Анна. – Пойду, напишу ответ.

Она поднялась по лестнице в чердачную комнату, как она ее мысленно окрестила. Такую каморку разве что хостелом назвать.

Она села на кровать, оставшись с письмом один на один. Конверт приобрел в ее глазах вид чудовища, которое скорее укусит, чем откроет свои секреты. Она вздохнула. Конверт – обычная бумага. Наверное.

Она вскрыла конверт и начала читать:

«Любезная сестра, Анна Павловна!

Пишу тебе в погожий осенний день. Сердце мое беспокоится о последних новостях. Как ты добралась из Швеции? Дядя Николай говорит, что ты поступила опрометчиво. Разводиться плохо для отношений наших с ними. Но что еще сделать, да? Когда герцог тот – человек странного склада. Я ему так и говорил. А дядя – ни в какую! А я говорю: политический же это союз! Но бесполезно.

В общем, пытался я объясниться за твою честь, сестра. Как видно, тебе надо с ними поговорить. Услышать из первых уст произошедшее.

В селе Царском пребывает должный спокойный порядок. Сад, украшенный осенними красками, восхитителен. Тетя Александра просила передать сердечный привет. Она тоже ждет твоего приезда. Дети, как всегда, шумные, радостные.

Учусь я в офицерской кавалерийской школе славно. Стараюсь, по твоим советам, дорогая.

Молю Бога о вашем благополучии, сестра. Передай, если будет твоя воля, поклон тете Полли.

С неизменной любовью,

Младший брат,

Князь Дмитрий Павлович.

Село Царское»

Анна отложила письмо, закончив чтение. Аккуратный почерк, явно выведенный пером с чернилами. Необычные словечки для ее современного понимания. А смысл написанного? У нее есть брат, который живет там, где обычно обитают люди с большими деньгами и высокого происхождения.

Стоп.

Стоп.

– Дядя Николай? – пробормотала она. – Кто это вообще?

Необычное обращение вызвало заминку. Потом ее пронзило озарение.

– Николай Романов, что ли? – воскликнула она, затем зажала рот рукой.

Да, Вселенная шутит над ней! Почему именно сюда ее угораздило попасть? Хотя бы Камбоджа! Хотя и там она, наверное, так же реагировала бы на местный колорит. С поправкой на то, что историю Камбоджи она знает куда хуже, чем любой другой европейской страны.

Но Николай? Александра Федоровна? Говорить с теми, кого через несколько лет расстреляют. А Дмитрий очень настаивает, чтобы она пришла.

Но ей хотелось зарыться в песок с головой. Нет, предложение мистера Чейна исполнять надо. Социальное взаимодействие, какой ужас!

– Что случилось? – в комнату заглянула Полли. – Я слышала крик.

В руках у нее юбка – один из заказов ателье. К фартуку приколоты иголка со свисающей ниткой. От нее пахло льняным маслом и новой тканью.

– Ничего, – Анна попыталась придать голосу ровный тон. – Читала письмо Дмитрия.

Тетя зашла, взяла письмо и быстро пробежала глазами по строчкам. Решила понять, что так встревожило племянницу.

– А, об этом, – она кивнула. – Приедешь, расскажешь, так мол и так, произошло. Нечего бояться царя. Батюшка наш хороший.

Анна нервно хихикнула. Тетка подумала, что она переживает из-за разорванного союза. Какая ирония! Ее проблемы были куда больше, чем какой-то Вильгельм из Швеции. Над ней нависла Вселенная, решившая поиграть в кости с квантовой запутанностью и волновой функцией.

Полли похлопала Анну по плечу.

– Ну-ну, – ласково сказала она. – Соберись с силами и напиши письмо. Дмитрий волнуется. Чернила и перо можешь взять у меня.

– Ага. Спасибо.

Они спустились вместе, Анна взяла чернила и села за стол. Облизнув кончик пера, опустила его в чернильницу и задумалась. Что, собственно, писать? Воспоминаний мало. Трудно понять, чем жила хозяйка тела до того, как случилась квантовая запутанность.

В голову приходила лишь холодность человека, за которого та вышла замуж. Его торчащие уши, над которыми она всегда шутила. Высокий рост, ноги, которые он подгибал, чтобы казаться меньше, отчего выглядел еще смешнее. Неказистый мужчина в целом.

Он производил впечатление человека тихого и услужливого ради семьи. И оттого совместная жизнь была нелепой.

– Главное – написать примерно в том же стиле, что и Дмитрий, – прошептала она.

Она села писать:

«Любезный брат, Дмитрий Павлович!

Благодарна за ваше письмо. Получила только что, тетя встретила почтальона.

Спешу сообщить, что добралась благополучно. В поезде трясло, но попутчики попадались хорошие. Трудно привыкнуть первое время к холоду после Швеции.

Передайте поклон тете Алекс и от меня. Скупаю по тебе, брат.

Спасибо за попытку объясниться за меня перед дядей. Но, право, не стоило тратить душевные силы. Ты прав, сама должна прийти с повинной. Хоть мне и скрывать нечего. Брак был пресным. Человек же он холодный и тихий. Как водится, от таких и стоит ожидать неблагоприятного отношения.

Сердечно обнимаю тебя.

Письмо отправлю. Выезжать буду сразу. Не обессудь на меня, если письмо придет раньше, чем я.

С неизменной любовью,

Старшая сестра,

Анна Павловна»

Дописав, она отложила перо. Мышечная память работала хорошо. Она не сделала помазок, хотя руки ужасно тряслись.

– Как мне отправить письмо?

Полли сидела напротив, подшивая юбку. Очки на носу, хмурый взгляд. Рядом с игольницей лежит трубка. Тонкий дым поднимался вверх от основания.

– Пойдешь до конца улицы. Там найдешь двухэтажное здание. На двери табличка «Губернская почтовая контора». Вот и нужное тебе место, – вдумчиво объяснила она.

– Хорошо. Благодарю. Как доехать до Александровского дворца? – Анна решила притвориться, оправдываясь тем, что давно не была в России.

– Можно на извозчике. Будет где-то шестьдесят копеек, – Полли покачала головой. – Можно поторговаться, если умеешь. Или на поезде. Тут тебе тоже понадобится извозчик до вокзала.

– А как вокзал называется?

Главное – запомнить. На нее накатывала паника при мысли потеряться неизвестно где. Вселенная, за что такие штуки! Теперь она тосковала по картам и навигатору в телефоне.

– Царскосельский.

– А это где?

Полли вздохнула, поняв, что рассказывать бесполезно. Она взяла бумажку и нарисовала план, как дойти до почтового отделения и вокзала. Анна взяла листок, чтобы рассмотреть рисунок. Почтовое отделение – понятно. Вот тупик Аптекарской улицы, где она отметила здание.

А вот вокзал уже посложнее. Обойти церковь, которая находится после Аптекарской улицы, пройти чуть вперед и повернуть направо. Пройти по мосту через реку Мойку, дальше, и вновь пройти по мосту, но уже через реку Фонтанку. В конце уже будет нужное здание.

М-да, уж. Такое ощущение, что она пытается расшифровать письменность майя, а не найти дорогу до вокзала.

Ужас.

Без телефона с картами – сложно. Ох, как она мечтала о геолокации!

– Поняла? – выжидающе спросила Полли.

Анна кивнула.

Анна пошла одеваться. Дорога предстояла долгой, надо было подготовиться. В дорожной сумке она нашла одежду. Разобраться в том, что надеть, оказалось задачей на смекалку. Снизу она надела панталоны. Понятно. Следом вытащила верх – длинную сорочку, закрывающую до пупка.

– Ужас. Что дальше?

Дальше нужно было одеться по погоде. В данное время года в Санкт-Петербурге холодно, дует ветер с залива. Заболеть можно легко.

На ноги решила надеть чулки из какой-то мягкой ткани. Дорогие, раз хозяйка привезла с собой из Швеции. Потом натянула пышное теплое платье с кринолином синего цвета. Ткань хорошая, добротная.

– Ну и последнее, – она разгладила складки платья и повернулась к шкафу.

Она вытащила голубое пальто, расшитое изнутри мехом. Рассчитано на погоду до минус трех, наверное. Может, и больше, раз мех есть.

Попрощавшись с Полли, она вышла. Предстоял долгий путь.

Выйдя на дорогу, она поняла, что попала в водоворот жизни. Воздух был непривычно густым и насыщенным. Не смог, а целый коктейль из разных запахов: конский навоз, дым из печных труб, аромат свежей выпечки из распахнутой двери булочной и едкий привкус нечистот из-за отсутствия нормальной канализации.

Звуки обрушились на нее. Первый раз, с Мисси, у нее не было времени заметить. Нет гула машин, музыки и автобусов. Лишь цокот копыт по брусчатке, скрип колес, громкие крики извозчиков и грохот телег, набитых людьми. Десятки разговоров.

– Ты видел, а? Пуд лосося – рубль двадцать копеек стоит! – жаловалась старуха.

– Да чего жаловаться! – размахивала руками продавщица из булочной. – Вы видели полицейских?

– Ну? – прохрипел старик, откусывая только что купленную булку с капустой.

– Обещали принять меры против тех воришек, что на прошлой неделе грабить приходили.

– Боже мой!

– И я так говорю, – она закивала. – Где это видано? Грабить булочную! Уж не лавку с драгоценностями.

И поверх всего – пронзительный свист городского, регулирующего движение на перекрестке.

Анна вжалась в стену случайного дома, решив отойти от толпы. А то еще задавят. Она не привыкла к такому уличному потоку. Картинка вокруг казалась галлюцинацией или декорацией невероятной исторической достоверности.

Людей море пестрое. Промелькнули две дамы в роскошных платьях, шляпки на головах покачивались в такт шагу. Затем господин в хорошо сшитом костюме поверх кителя – чиновник. И тут же, сторбившись под тюком, шла мещанка в выпуклой одежде и платке. Ее обувь была стерта.

Сбоку, у маленьких контор с вывесками, стояли мальчишки. Они размахивали газетами, выкрикивая:

– Последние новости!

Из открытого окна второго этажа доносилась заунывная мелодия фортепиано. Карета с извозчиком остановилась около двух мальчишек лет семи. Вышел мужчина солидного вида, кинул им рубль и поставил ногу на деревянную подставку. Один поймал монету, второй взял щетку и принялся чистить обувь.

Чуть дальше двое рабочих в замызганной одежде грузили тяжелые ящики на бричку. Их лица были серыми и потными от усталости. Из-за угла, где, видимо, располагалась пивная, доносились громкие разговоры и хриплый смех.

Она стояла на пороге империи в самом ее разгаре. На последнем ее дыхании перед тем, как через несколько лет начнется революция.

Мир до начала Великой войны. Мир, где старые порядки еще дышат. Сам факт того, что она знает, чем все закончится, поражал.

Первая мировая война, революция и гражданская война. Сколько людей умрут. Сколько сбегут. Сколько не успеют. Все этому только предстоит случиться.

Она здесь, за сто лет от своего времени. Безумие! Мозг отказывается принимать происходящее.

А потом – приход нацистов к власти в Германии, Великая Отечественная война, изобретение ядерного оружия, раздел Германии, Холодная война... Вся ближайшая история промелькнула перед ней страницами учебников.

– Дитя мое, ты потерялась?

Анна вздрогнула. Случайный прохожий вывел ее из исторической паники, в которую она погрузилась. Мир на грани перемен.

Она посмотрела на того, кто подошел. Мужчина средних лет с лицом, тронутым морщинами. Черная ряса и борода выдавали в нем священнослужителя.

Анна развернула листок, который сжимала в руке, чтобы свериться с тем, где находится. Она немного прошла дальше и оказалась рядом с собором, который отметила ей Полли.

– Да, я ищу почтовое отделение.

Мужчина добродушно улыбнулся. Он спешил или шел со службы в соборе.

– Вон там то, что тебе нужно, – он указал чуть правее от собора, на реку Мойку. – Видишь одноэтажный домик?

– А! – Анна открыла и закрыла рот. Как глупо она выглядит. Хотя в такой ситуации трудно винить себя. – Спасибо. Я, наверное, не заметила.

– Всякое бывает, – его зоркий взгляд уловил напряжение в ней. – Беспокоит что-то?

Что она может спросить?

– Нет, батюшка, – вежливо ответила она. – День тяжелый.

– Трудности даются нам во благо.

Она нервно хихикнула. Во благо? Что же тут благо? Притворяться тем, кем не являешься?

– Слишком уж трудно, – пошутила Анна.

– Помолись. Господь поможет.

– Хорошо, – кивнула она. – Спасибо.

– Ну-с, – он улыбнулся. – Иди с миром.

Анна быстро дошла до отделения, лавируя между людьми. Зашла внутрь. Пространство зала напомнило гигантскую клетку. Высокие потолки, свет из окон падал на все, делая обстановку блеклой.

Анна попыталась сориентироваться. Достала конверт с письмом, чтобы не мешкать при оформлении. Очередей две. У одного окошка, огороженного латунной решеткой, стояли чопорные господа. Мужчины накручивали усы, дамы тихо обсуждали парижские моды, а старик с наградами на кителе беспокойно стучал тростью.

У другого окошка, где прилавок был заляпан чернилами, толпился народ попроще: мещанка с корзиной тряпья, два рабочих, сбивчиво что-то объяснявшие, и ремесленник.

Обстановка нагнетала тревогу.

Служащий отделения, лысый и коричневый, как асфальт, кричал на них:

– Не толпимся! Четко излагаем! Письмо – пять копеек. Штемпель – три копейки. Без штемполя – десять!

У столов толпились женщины-служащие и те, кто не умел писать. Работницы выводили слова под диктовку клиентов.

– И пес с ними, что произошло. А так жив-здоров, чего и вам желаю, матушка, – монотонно диктует солдат. – Приехать смогу, даст Бог, через седмицу. Подлечу свои болячки.

У солдата нет одной руки, а второй он поддерживал то место, где она раньше была. Наверное, еще болело. Недавно же закончилась Русско-японская война.

Что делать? Судя по статусу Анны, надо было выбрать очередь приличней. Но мысль о том, что там могут задавать вопросы, пугала. Кто вы? Кому отправляете? Почему почерк странный? Почему ошибаетесь?

Богатые люди могли поинтересоваться. А если знакомые? Она же растеряется, что говорить!

Собравшись с духом, она встала в конец более простой очереди. Ожидание тянулось мучительно. Она пыталась разглядывать детали, чтобы занять себя. Купец считал ассигнации мокрыми от пота руками. Мещанка упаковывала тряпки, перевязывая сургучом.

Наконец подошла ее очередь. За окном сидел лысый служащий с красными от пыли глазами. Аллергия, наверное.

– Куда? – пробурчал он.

Она назвала село Царское, Александровский дворец. Протянула конверт, который заранее подготовила и подписала адрес по образцу письма Дмитрия. Ошибаться не хотелось.

Пальцы мужчины, запачканные чернилами, взяли конверт. Привыкли, что ли? Или чернила едкие? Кто его знает.

Он взвесил конверт на ручных весах, поставив на другую чашу маленькую гирьку.

– Восемь копеек. Марка еще две. Итого десять.

Анна положила на прилавок монеты. Он взял их, звякнул кассовым ящиком и выдал сдачу. Удар медного штемполя с гербом. Затем он взял карандаш и записал в толстую книгу учета номер письма и данные отправителя с получателем.

– Следующий! – он глянул поверх ее плеча, уже забыв о ней, как о незначительной мухе на столе.

Бюрократия она и в прошлом бюрократия.

Письмо исчезло в гуде таких же на столиках позади мужчины. Женщины сортировали письма по разным городам для отправки.

Анна вышла на улицу. Относительно свежий воздух ударил в лицо. Первый квест выполнен. Письмо отправлено. Теперь нужно найти вокзал.

Токсоч они поставили между домами в неблагополучном районе города. Если смотреть по карте, то Сенная площадь вдоль Гороховой улицы, которая упиралась в перекресток напротив Витебского вокзала. Сенная площадь в это время была сосредоточением криминала: обилие дешевых трактиров, борделей и скупок краденого.

Для корабля это было нормально. Обычный щит невидимости отводил умы случайных прохожих. Это работает, если только миссис Чейн не отключала щит в шутку.

– Кто тут? – Чейн выглянул наружу, услышав стук в дверь.

Напротив стояла девочка лет шести, одетая бедно. Грязные мальчишеские штаны, кофта, испачканная сажей, калоши, выдавшие лучшие дни. Типичный беспризорник.

– Чего тебе надо?

Девочка провела рукой по носу, вытирая капающие сопли. Он скривился. Болеет? Детей он не любит, особенно любопытных и больных. Что с ними делать? Они как маленькие подвижные бомбы! С инопланетянами справиться проще, чем угнаться за ребенком.

А если учесть, что на его родной планете новые пилигримы «рождались» методом космической лепки и росли очень быстро, то детей в человеческом понимании он и вовсе плохо понимал.

– Барин, – она шмыгнула носом. – Там барыня сказала, что ищет вас.

– Какая барыня? Ты что несешь?

Пойти или нет? Вполне могло быть, что девчонка просто хотела выпросить денег. Он глянул в сторону, где внутри сидела Мисси, игравшая в космическое го с Шипи-Тотеком. Странное существо, если разобраться. У Мисси всегда был экстравагантный выбор знакомых. Другими она мало кого считала.

Шипи-Тотек был из расы существ с планеты HD189733b. Температура там чудовищная, газ быстро испаряется, поэтому местные жители ходят без кожи, одни скелеты.

– Ты отключила щиты? – спросил Чейн.

– Забыла включить обратно, когда наш друг пришел, – Мисси махнула рукой в сторону Шипи-Тотека. Тот сделал ход, заблокировав одну из ее линий. – Там кто-то пришел?

– Да. Я пойду разберусь, – кивнул Чейн, а затем строго добавил: – А ты включи эти проклятые щиты. Не хочу, чтобы к нам забредали воры.

– Хорошо, – она усмехнулась.

– А я посторожу, – скривил свой рот Шипи-Тотек.

– Заткнись, – мистер Чейн закатил глаза. Он презирал, когда знакомые Мисси начинали с ней флиртовать. Действовало на нервы. – Тебя никто не спрашивал.

Миссис Чейн взяла зонтик, лежавший рядом, и нажала кнопку на ручке. Раздался резкий хлопок – щиты снова были активны.

Чейн вышел на улицу, где его ждала девочка. Когда щиты сработали, ее внимание уже было потеряно. Она ковыряла землю носком калоши. Очень непрактичное времяпровождение.

– Эй, – окликнул он. – Покажи, где барыня.

Девочка шустро обернулась, кивнула и побежала, показывая дорогу. Мистер Чейн поспешил за ней. Они прошли между домами и вышли на главную площадь – Сенную.

– Вон! – воскликнула девочка, указывая пальцем в сторону трактира.

Он пригляделся. Узнал Анну, к которой приставал мужчина, настойчиво приглашая выпить. Анна быстро мотала головой, говоря «нет», но пьяный тип тянул ее за руку. Гражда-

нин был явно не первой свежести: грязный вид, сального цвета одежда с пятнами, заплывшее желтое лицо, красные глаза и нервные подергивания.

Чейн быстро преодолел расстояние. Никакие аномалии не должны пропадать в его смену! И уж тем более – напиться до беспамятства.

– Анна! – громко гаркнул он, схватил ее за плечо и оттащил от мужчины. – А вы, сэр, регулярно пристаёте к дамам?

Анна споткнулась от неожиданности, стараясь удержать равновесие. Слава Вселенной, она хотя бы помнила, где находятся мистер и миссис Чейн. Узнала знакомую площадь, по которой они шли в первый раз.

– Я предлагал даме пиво, – мужчина икнул. Речь была медленной, некоторые слова он мямлил. – Ничего противозаконного не хотел, Бог мне свидетель, сынок.

– Люди, – мистер Чейн закатил глаза. – Спиваются во все века.

Оглядевшись и убедившись, что внимания они не привлекают, он подошел к пьянице. Чейн достал из кармана пиджака курительную трубку. Глаза у мужчины расширились от ужаса. Осталось тайной, что он там подумал, но Чейн не собирался делать ничего из того, что могло прийти тому в голову.

– Зачем тебе трубка? – недоуменно смотрела Анна то на него, то на предмет.

Простая длинная черная трубка в руках прищельца. Что за абсурд? Они что, в Шерлока Холмса играют?

– Не лезь, малявка.

Мистер Чейн «закурил» трубку. Точнее, из нее автоматически пошел дым, словно она зажглась сама. Он сделал затяжку и выдохнул дым прямо в лицо мужчине. Раздался не хруст, а глухой звук «ВУУМП». Как будто со дна океана поднялся огромный кит.

Пространство между дымом и лицом пьяницы на мгновение превратилось в сгусток чернильной темноты.

И тут пьяницу отшвырнуло.

Это не был удар кулаком или дубинкой. Словно он разогнался до ста километров в час и врезался в скалу. Тело теряло состояние покоя, приобретая инерцию движения. Он споткнулся, упал на мокрую землю, скользя по грязи.

– Что?! – удивленно выдохнула Анна.

Как это возможно? Что за трюк?

Пьяница сидел с остекленевшими глазами и тихо храпел, пытаясь понять ситуацию. Кости целы, синяков не было. Никаких видимых или невидимых увечий. Но все его существо находилось под перегрузкой, которой на самом деле не было – это была инерция ускорения, влитая в него напрямую.

Анна огляделась. Может, кто-то еще это видел? Нет. Людей на площади было много. Одна группа толпилась у лавочек с краденым, другие – у тракторов, третьи заходили в бордели. Остальные брели по своим делам.

Ей показалось? Она же видела нечто черное!

Чейн выглядит так, будто ничего не произошло. Лицо спокойное, умиротворенное. Он покрутил трубку в руках с важным видом и убрал ее обратно. Словно так и надо!

– Что это было? – зашептала Анна в панике.

– Технологии пилигримов. Универсальное приспособление для полевых условий. А вы, сэр, – он глянул на мужчину. – Были невежливы.

Боже мой, во что она ввязалась? У этих существ в арсенале – курительная трубка? Абсурд!

– Быстро уходим, – он схватил Анну под руку. – Пока джентльмен забывает, кто мы.

Они оказались в том же тупике между домами, где стоял Токсоч.

– Теперь объясни, куда ты шла. И что за история с этим пьяницей?

– Мне нужно на Царскосельский вокзал. Письмо брату я отправила, теперь самой доехать надо.

– И ты решила, что гениальной идеей будет спросить дорогу у нетрезвого мужчины?

– Я не думала, что он пьян! – возмутилась Анна.

Мистер Чейн почесал переносицу. Как же утомительны люди. Вечно куда-то бегут, а потом их приходится спасать.

– Зачем на вокзал? – решил он сменить гнев на милость.

– У Анны есть брат. Написал, что хочет ее видеть, – Анна пожала плечами. – Подумала, что не поехать будет странно.

– Молодец. Нужно держать вид, – одобрительно кивнул он. – Давай, помогу быстро добраться.

– Неужели будешь дышать на меня дымом?! – воскликнула Анна.

– Всего лишь небольшое манипулирование пространством.

– Звучит жутко, – пробурчала она.

– Не более жутко, чем атомная бомба или войны, – фыркнул Чейн.

Он подошел к стене и обвел трубкой круг по кирпичной кладке, очерчивая портал размером с дверь. Делал медленно, с усилием, будто преодолевал сопротивление самой ткани пространства. Свет вокруг искривлялся, стягиваясь к дуге, как вода в воронке. Стена потемнела, задрожала и стала прозрачно-черной. Бездна. Дыра между реальным миром и ничем.

– Как? – изумилась она.

Он только что вырезал дыру в пространстве-времени?!

Раздался тот же низкий звук «ВУУМП», который она слышала на площади, с примесью хруста ломающегося льда.

– Ты режешь пространство-время, как ножницами бумагу?! – взвизгнула она отчаянно.

Она была на грани истерики от происходящего. Особенно видя такое впервые. Ну, пришельцы! До чего технологии дошли! Безумие.

Пока портал стабилизировался, в нем проступили очертания прохожих и вокзала, послышались голоса и гул поезда.

– Я не ломаю пространство-время, – возразил он. – Я обхожу его, искривляя с помощью темной материи.

Анна робко шагнула, оглядывая портал. Ткань пространства рябила, как вода в кастрюле, но не поднималась выше. Вокруг портала по-прежнему была стена из кирпича. Ей не почудилось.

– Не стесняемся, – бодро сказал Чейн. – Вперед.

– Но!

– Никаких «но», дорогуша, – и с этими словами бесцеремонно толкнул Анну в портал.

Анна не успела крикнуть, только издала короткое «ух» и провалилась внутрь. Портал захлопнулся со звуком, будто Вселенная втянула обратно то, что ненадолго выпятилось наружу.

Глава 5 «Мне и своей собственной догры-магры хватает с избытком, а если возьмусь за чужую, точно свихнусь». Догра Магра. Юмэно Кюсаку.

Анна споткнулась и упала на землю, оказавшись на вокзале. Трюк мистера Чейна выбил из нее всю браваду – если она вообще была. Испугаться нетрудно, когда перед тобой разрезают ткань пространства, а затем оно захлопывается за спиной.

– Куда мне надо? – лихорадочно оглядываясь, повторяла она вслух свое назначение. – Александровский дворец. Царское Село.

Мужчины в солидной одежде, дамы с чемоданами вещей, солдаты в мундирах, крики кондукторов и резкий звук подъезжающих поездов. Все двигалось как единый организм.

Внутреннее убранство вокзала поражало еще больше. Такое она видела лишь на старых черно-белых фотографиях в архивах! Оказаться в гуще событий и просто смотреть – не одно и то же.

Над головой – ажурные стальные перекрытия, держащие крышу. Пространство было огромным. На минуту ей пришла мысль: а не рухнет ли перекрытие? Пришлось надеяться на чудо инженерной мысли. Повсюду стояли скамейки, где люди проверяли билеты и укладывали вещи в дорожные сумки. Окна пропускали свет повсюду, слышался тяжелый гул поездов.

Ее взгляд зацепился за окошко кассы, откуда только что отошел старик, купивший билет. Туда ей и нужно.

– Билет третьего класса до Царского Села! – выкрикнула она контролеру, сидевшему за окном.

Мужчина с аккуратной бородой и невозмутимым видом оценил ее. Без сопровождения, без мужчины и без багажа. Лишь платье и пальто из хорошей ткани.

– Спешите куда? – поинтересовался он.

Надобности для допроса нет, но спросить все же счел нужным. Работа такая.

– Да, – внутри она паниковала. Что ответить? И он смотрит так пристально. Блин. – Спешу к братцу, да помоги ему Господь. Люблю его сильно, давно не видела.

– А почему без багажа?

– Так, – она забежала взглядом, будто проходящие мимо люди могли подсказать ответ. А, точно! – Другим поездом едет. Багажа много. Спешу же, говорю.

– Простите, барыня. Ситуация, сами знаете, какая.

– Да, понимаю.

Та же ситуация, что и после любой войны: люди с измененным сознанием, оружие, напряжение.

– С вас восемьдесят копеек. Поезд на втором пути. Отправление в четыре часа, – протянул он билет.

Она взяла его, достала монеты из кармана пальто и отдала мужчине. Прошла по лестнице к платформам. И правда, через пару минут на путь начал выезжать состав. Успела как раз вовремя! Иначе пришлось бы ждать долго. Идея мистера Чейна оказалась удачной.

Локомотив тянул три вагона. Они были небольшими, аккуратными и местами закопченными от угля. В целом не так уж отличалось от того, что было в ее эпохе. Разница лишь в размерах, чтобы вместить больше людей.

Около каждого входа стояли проводники в черных штанах, перчатках, длинных мундирах на пуговицах и фуражках. Увидь она такого в своем времени – не подумала бы, что он из прошлого. Вполне современная форма.

Люди выстроились перед ним в очередь, держа в одной руке билеты, а в другой багаж. Анна влилась в толпу.

Когда подошла ее очередь, она показала билет. Проводник с усами-щеткой оглядел ее и сказал:

– Третий класс. Купе номер три.

– Спасибо.

Она поднялась вслед за дамой в шляпке с перьями. Внутри оказалось тесно, как она и предполагала. Сначала тамбур, где толпились люди, у которых порвались сумки и выпали вещи. Слишком нагружать не практично.

Первая половина вагона занята буфетом, где стояли столы и стулья. Окна зашторены. Мебель выглядела старой – в пассажирских поездах интерьер меняли редко. В императорских, наверное, было богаче.

Следующее отделение занимали купе. Дама в шляпке нырнула в первое. Старушка с внучкой зашли во второе. Анна – в третье. Закрыла дверь.

Купе было крошечным, метра три. Диван, обшитый мягкой тканью на пружинах, с суконной обивкой. Справа – маленький столик, прикрепленный к стене. Слева, если сесть, – окно среднего размера. Из него были видны железнодорожные пути, и слышно, как трясется вагон. Загружались еще люди или почтовые тюки.

Она села, попыталась вытянуть ноги. Не получилось. Диван был слишком коротким. Поерзала, наклонилась, чтобы посмотреть, можно ли что-то сделать. Подергала нижнюю часть дивана: может, она отъезжала вперед?

Щелчок.

Диван выдвинулся, но совсем не так, как ей хотелось. А выбора у нее не было. Она села обратно, вытянула ноги, расстегнула сапоги, чтобы дать ногам отдохнуть.

– Нижняя часть сделана из дерева, – пробормотала она сама себе. – Твердое дерево.

Потрогала столик напротив – тоже деревянный.

– Раскладушка для ног? Третий класс, чего еще ожидать. Спасибо и на том.

Она закрыла глаза. Может, удастся поспать? Все ее существо устало после долгой прогулки.

С резким свистом поезд тронулся. Анна подпрыгнула на сиденье от сильной тряски. Состав, как длинная металлическая змея, начал свой путь. Петербург проплывал за окном, словно дым от курительной трубки мистера Чейна. Фасады домов, заборы, фабричные трубы, а затем унылые равнины с редкими елями.

Билет до места, которое она видела лишь как музей. Безумный план возвращения в свою эпоху. И пара инопланетян-пилигримов, которые должны помочь.

Ситуация – худшая из возможных. Застрять в чужой эпохе, и пытаться выжить, пока пилигримы что-то придумывают.

А у нее был выбор? Нет.

Острое, неприятное чувство голода настигло ее. Она поняла, что не ела с самого утра, когда вышла от тети Полли. Когда тут поешь? Целый день нервов.

Она встала, протиснулась к выходу и закрыла дверь. Снаружи вагон шатало так же сильно. Анна извинилась перед женщиной в платочке, с которой столкнулась по пути. Прошла дальше, хватаясь за стены, и вышла в гулкий, качающийся проход между вагонами. Ветер рвал волосы, дергал пальто. Грохот колес оглушал. Цепляясь за поручни, она двинулась на запах еды в вагон-ресторан.

– Это вам не современные поезда, – проворчала Анна.

А когда обратно пойдет? Еда перемещается внутри.

Дверь в вагон-ресторан была тяжелой, полированной, с крупной ручкой.

– Ну, давай, открывайся, – Анна схватилась за ручку, уперлась и толкнула изо всех сил.

Зашла и застыла на пороге. Происходящее словно сошло со старой киноплёнки столетней давности. Столы, расставленные по группам, стулья вокруг. Люди разного вида: кто побогаче, купивший билет второго класса, кто попроще, как она, из третьего. Господин с седыми волосами разворачивал салфетку. Дамочка с бледным лицом ковырялась вилкой в рыбе, слушая рассказ мужа.

Мужчина в такой же форме, как у проводников, с перекинутой через руку салфеткой, подошел к ней. Его взгляд профессионально оценил ее: растерянный вид, одежда средней стоимости, отсутствие спутника.

– Заходите, – он жестом указал на свободное место в углу.

Она кивнула и пошла за ним. Ее сапоги из прюнели издавали легкий звук по ковровому покрытию. Ткань сапог была плотной, из шелка, шерсти и хлопка. Еще один анахронизм! Сколько их за последние трое суток она насчитала? Пальцев рук и ног не хватит!

Сев на стул, она взяла в руки меню. Шрифт был витиеватым, с характерными «ъ» в конце слов. Она вчиталась в текст: «Уха из ершей – 40 копеек», «Солянка сборная мясная – 52 копейки», «Муксун на пару – 70 копеек», «Жареный сиг – 1 рубль 10 копеек».

Мир словно скомкался, превратившись в это меню и аккуратно выведенные слова на бумаге. Что выбрать? Она с половиной блюд не была знакома.

– Выбрали? – спросил проводник.

Или скорее, официант, ответственный за вагон-ресторан. Она не могла понять.

– Солянка и хлеб.

– Белый? Черный? У нас очень вкусные булочки. По французским рецептам.

– Да, давайте.

Она разжала меню, в которое вцепилась в нервном напряжении. Бросила взгляд в окно. За ним мелькали уже не городские пейзажи, а дачи, леса и белые пятна станционных построек. Зная, что случится со страной, с людьми, со всем привычным миром, она чувствовала себя не путешественницей во времени, а призраком из будущего.

Официант вернулся с ее заказом. Поставил блюдце с солянкой, сметаной, кусочками лимона и оливками. И булочку – еще теплую, хрустящую.

Она взяла ложку – тяжелую, серебряную, с вензелем на конце. Первый глоток. Сладковато-пряный вкус солянки. Вкус настолько яркий, настоящий, что невольно навернулись слезы. Она здесь. Она жива.

Она старалась есть медленно, ловя кусочки разговоров: о скачках, о новых царских постановлениях, о зарубежных новостях. Каждое слово, каждое движение, каждый звук были кирпичиками в стене реальности этой эпохи.

Доев солянку и закусив хлебом, она заплатила пятьдесят две копейки. Встала и пошла прочь.

С громким визгом поезд остановился на станции Царское Село. Анна подпрыгнула на сиденье, проснувшись. Пальто, которым она накрылась, съехало. Пора выходить.

Встала, надела пальто, проверила кошелек с деньгами и вышла. Пришлось потолкаться в тесном проходе вместе с остальными пассажирами. Все ждали, когда проводник отойдет от двери.

– Давай! – прокричал ему второй проводник из другого вагона.

Раздался звонкий треск металла, двери открылись. Люди вывалились наружу большой толпой, прошли через контролера, проверявшего билеты. Отдав билет, она была пропущена дальше.

Станция внутри была маленькой, как и снаружи. Одноэтажное здание с крышей из дранки. Справа кассы, около которых толпились люди. Слева деревянные скамьи зала ожи-

дания. Рядом огороженная будка, где сидели двое полицейских. Скромно, незатейливо. Для эпохи вполне современно.

Выйдя на улицу, она огляделась. От станции тянулись две дороги. Вдоль них стояли экипажи с извозчиками. Пассажиры называли адрес, оплачивали поездку, грузили вещи в свободное пространство кареты и усаживались сами.

– Вот вам и современное такси, – пробормотала Анна.

В тот же миг к ней кто-то подошел.

– Анна! – кричит молодой мужчина.

Анна вздрогнула от неожиданности. Кто это? Она никого не знала!

– Слава Богу, ты приехала. Я скучал, – он обнял ее.

Мужчина был примерно ее возраста. Лицо с молодой округлостью, прямой нос, глаза среднего размера, волосы зачесаны набок. На нем была опоясанная рубаша, черные штаны и высокие сапоги с загнутым голенищем. Чоботы напомнили ей дедовские, только военного образца.

– Брат? – нервно спросила Анна.

Конечно, кто же еще будет встречать ее? Брат!

– Я! Кто же еще? – он шутливо взлохматил ей волосы. – Устала? Понимаю, дорога дальняя.

– Ага, спала, – Анна скривилась, когда он растрепал ей волосы, и поспешила их пригладить. – Ты долго ждал?

– Нет, – улыбнулся он. – Пойдем. Извозчика я не отпускал.

Она поспешила за ним. Извозчик – мужчина с длинной, совиной бородой – ждал. Дмитрий помог ей взобраться в коляску, затем сел сам.

Экипаж тронулся. Мягкий цокот копыт, шуршание одежды извозчика. А ее сердце бешено колотилось от происходящего.

Она едет в Александровский дворец! Там царь! Вся семья. Те, кого через несколько лет расстреляют большевики. Предстанут перед ней живые люди, которых она видела лишь на старых дореволюционных фотографиях.

Она украдкой посмотрела на Дмитрия.

– Волнуешься? – он улыбнулся. Подумал, что она переживает из-за развода со шведским герцогом. – Дядя не будет сердиться. Надеюсь, дай Бог.

– Да. Чуть-чуть.

– Ну, – он похлопал ее по плечу в знак поддержки. – Я с тобой.

– Спасибо.

Пейзаж прекрасен. Стройные аллеи, дома, нежно-голубое небо. Слишком прекрасно, казалось, будто это ожившая открытка. Но эта красота давила, напоминая о временной пропасти, отделявшей ее от своей эпохи.

Коляска миновала ворота. Среди деревьев на аллее показалось само здание. Дворец протяженной длины с колоннами, окрашенный в строгий желтый цвет. Он казался скорее игрушечным, нежели монументальным.

Вот оно. Последние годы нормальной жизни.

Коляска остановилась. Дмитрий вышел первым, затем протянул руку сестре. Так по этикету? Она взяла его руку и спустилась на землю.

Они пошли по мощёной дорожке ко дворцу. Ноги подкашивались от тяжести момента. Позолота на барельефах стен, высокие потолки, лестница на второй этаж в глубине вестибюля. Мягкие диваны для ожидающих гостей. Их встретил камер-фурьер – человек с длинной бородой, в красном форменном сюртуке.

– Их Императорские Величества ожидают вас в кабинете.

Анна кивнула. Надо продолжать играть свою роль.

По коридорам с коврами на полу она шла, бросая взгляды на портреты умерших родственников на стенах, изящные украшения интерьера и дорогие вазы на постаментах. Через несколько лет все это будет разграблено, вывезено из страны и продано. Каждый уголок дворца дышал историей, которую она знала по учебникам.

Дверь открылась.

Гостиная уставлена мебелью, книжными шкафами, стены и потолок украшала лепнина, поблескивавшая в свете из окон.

У камина в кресле сидела Александра Федоровна. Статная, высокая, с чопорностью, выведенной немецко-английским воспитанием. Насколько помнила Анна, у Александры были непростые отношения со свекровью, Марией Федоровной. Две женщины не сошлись характерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.